

LIMITED TO 3000 COPIES WORLDWIDE

BLACK LIBRARY
GAMES DAY ANTHOLOGY
2011/12

Смерть-гора

Дэн Абнетт

(пятнадцать лет спустя...)

Встречайте пятнадцатилетие Black Library

Смерть-гора

Дэн Абнетт

Переводчик: AlexMustaeff

Приаг из отделения «Дамокл», из Железных Эмеев с Утаки, облачен в аспидно-серую

броню, на одном наплечнике метка в виде извивающегося змея, голубого на белом фоне.

Железный Змей. Неудержимый. Безжалостный.

Час приближается. Последний час. Окончание битвы. Завершение дела. Поверхность его

доспеха покрывают миллионы крошечных за

рубок и вмятин, царапин и засечек.

Это место называется Бар'аг Атьёк. На языке

ке зеленокожих это означает «Смерть-гора».

Это высочайшая гора на западном континенте

те планеты под названием Корал Мот. Приаг

из отделения «Дамокл», из Железных

Эмеев с

Итаки, знает это наверняка. Знает потому, что

на западном континенте планеты Корал Мом

не осталось ни одного места, ни одного пустынного захолустья, где бы он не побывал, которое бы не проверил, не очистил от врагов

и не завоевал. Он знает, что Смерть-Горы

выше всех других, потому что экран визора по

казывает ему это с точностью до восьмидеся

тичных знаков. Она на шестьдесят один метр

выше, чем Ош Тарр («Кровавая вершина»), и

лишь на семь метров выше, чем Бар'ад Онк

грол («Гора костных мозгов»). Строго говоря, выше этой горы на западном континенте ни

ра Корал Мот ничего нет, и это имеет решающее значение.

Прозвучел вокс-сигнал Маяку Утаки: Точка встречи -- наивысшая геоструктура/западный континент.

Зеленокожие поджидают в расщелинах скал, пока он поднимается. Еще один день на

Корал Моте. Больше убийств, всегда больше

убийств. Еще один день на Корал Моте. Дело

в том, что этот -- последний.

Придя из отделения «Датокл», из Железных Змеев с Утаки, всё так же несет свой болтган, хотя с тех пор как на седьмом году

миссии закончился последний боезапас, доставленный с орбиты, от него нет никакого

прока. Это оружие слишком великомерно и драгоценно, чтобы просто его бросить. У

При
ага еще есть силовой меч и когти. Они
всё
еще действуют. Он также изготовил
копьё, но
предыдущей ночью оно осталось в животе
вожака зеленокожих на нижних склонах
Бар'аг Атьёка.

Хотя какая разница, где оно осталось.
Первые зеленокожие несутся на него,
яростно завывая. Все слюнявые, с
отвисшими
челюстями, за грожащими губами видны
зни
лые зубы, звериные тела разукрашены
охрой, мелом и синилью. В сторону Приада
летят
копья и колуны. Еще больше крошечных от
меток останутся на его броне.
Он здесь уже пятнадцать лет.
Пятнадцать
лет. Зеленокожие так и не поняли, что не
сто

гут убить его. Они никогда не убьют его.

Если

он еще задержится здесь, высочайшей горой

западного континента станет наваленная им

куча зеленокожих трупов.

Он встречает первого орка, обхватывает его, лишая движения сочленениями голеней, и отбрасывает в сторону, приветствует второ

го и сносит ему голову. Легкие врага все еще

выдыхают боевой клич, воздух выходит из перерезанной глотки с хлюпаньем и треском, пока тело падает.

Кровавые капли в воздухе.

Третий. Топор из тусклой стали выбивает

искры из наплечника Приага. Молниевые когти вонзаются в грудную клетку и глотку, пронзая плоть, словно вилкой токрый перга

мент. Четвертый. Меч отрывает ему
руку, в
которой зажат топор. Приаг пинает
врага, его
усиленный удар отбрасывает
искалеченного
зеленокожего на каменистую осыпь, и тот
кү
барел катится вниз. Он ловит топор в
возду
хе. Тот все еще крутится и падает,
выскольз
нув из мертвой руки, которая тоже все
еще
крутится и падает. Он движется так
быстро, что словно само время
замедлилось в ожида
нии его, так, будто зеленокожий повесил
то
пор в воздухе для него, так, словно воздух
держал его для Приага как послушный
слуга.
Он ловит топор, разворачивает и погружа

ет его в лицо пятого. Кровавые брызги.
Вверх, вверх по склону.

Приаг из отделения «Дамокл», из Желез-
ных Эмеев с Утаки, был здесь пятнадцать
лет.

По человеческим меркам это большой
отре

зок жизни. По меркам Имперской Гвардии
это долгое и жестокое путешествие в аг.

Для Приага это было обязанностью, вре-
менной занятостью, долгом. Тягостным,

воз

можно, даже изнурительным, но все-таки

всего лишь еще одним заданием, которое
по

полнит его послужной список, еще одним
за

данием, призванным скоротать его жизнь,
практически бесконечную, если

насилствен

ная смерть не заберет её.

Он ждет новой встречи с Утакой. Он
ждет

встречи с Харибдис, лунной-крепостью,

Домом

Ордена. Он ждет встречи с братьями из
отде

ления «Дамокл». Он ждет Обряда

Возвраще

ния. Лишь этим он утешает себя, лишь в
этом

его разум хранит остатки человечности,
во

всем остальном за пятнадцать лет
превратив

шись в совершенное оружие.

Он ждет момента, когда сможет
поговорить

с другой живой душой впервые за всё время
с

начала задания. Слишком долгой была
тиши

на. Он ждет момента, когда можно будет
по

очистить и отремонтировать броню,
отполи

ровать миллион царяпин, зарядить
болтер, хорошенько выспаться -- по-
настоящему вы

спаться, а не довольствоваться периодами
полусна, которыми он перебивался
благодаря

каталептическому узлу, чтобы не быть
застиг-
нутым врасплох.

Пятнадцать лет. Удерживай кланы
зеленоко

жих на Корал Моте, -- сказал магистр
оргена.

-- Создавай им проблемы. Фокусируй их
внима

ние на себе. Не давай увеличивать
численность.

Дай нам время, чтобы линейный флот
Звездно

го Рифа смог достичь их основных миров
и зачи

стить их.

-- Как долго флот будет выходить на пози

ции? — спросил Приаг.

— Недолго. Пятнадцать лет.

Вполне сносно. На мгновение Приага обеспокоило, что это довольно значительный промежуток времени. Два столетия, что

Вели

кий Петрок удерживал Анкилос, под конец могли показаться утомительными.

Охота на

стальных людей менее увлекательная, чем на

зеленокожих.

Он почти на вершине. На юге встает одно из солнц. Свет желтый, лучи косые. Он

видит

яркое пятнышко, подобное остывающей звезде,

где, на западе. Ходовые огни. Он слышит звон

ковой сигнал, на визоре загорается значок.

Осталось две минуты. Последние две минуты из пятнадцати лет.

На вершине зеленокожие. Для них он стал

лифол, чүгөвищел, что охотился и
убивал их

по всему западному континенту в течение
пятнадцати лет. Они хотят убить его,
но убить

его они не могут. Первого он мечом
разрубает

наполам, когтями бьет по морде
другому.

Появился вожак, вдвое больше Приага,
стею

щийся, словно людоед, утробным инфразву-
ковым ревом, топор занесен для удара.

Огромный, но слишком медленный. Приаг
из отделения «Дамокл», из Железных
Змеев с

Итаки, перепрыгивает через него, и,
призем

лившись позади, разрубает мечом похожий
на ствол дерева позвоночник врага, вожак
на

дает, издав булькающий звук разрезанным
горлом — двигаться он больше не сможет.

Приаг отрүбает гигантү рүки ---
окровавлен
ные рүки, которые судорожно пытаются на
щүпать его.

Он наносит смертельный үдар.

-- Утака! -- выкрикивает он первое слово,
сказанное им за пятнадцать лет на Корал
Но

те -- и последнее.

«Гроловой ястреб» приближается,
зависает

над головой, приземляется на Смерть-
горү, аппаратль открыта, двигатели ревүт.

Пятнадцать лет прошли.

Интересно, куда они его отправят завтра.

Илторталис

Энди Сталли

WARHAMMER

40,000

Встречайте пятнадцатилетие Black Library

ИММОРТАЛИС

Энди Смайли

Переводчик: godar

Я умираю. Но это не первая моя смерть.
Прежде я умирал дважды. Кровь. Кровь
была
повсюду. Она покрывала мою броню как
что
рая кожа, так что под ней не было видно
за
зубренное лезвие моего Ордена. Она остано
вила затупившиеся зубья моего цепного
меча, гула его агатантиевый рев. Оружие
моих
братьев тоже затолчало, утолив ярость в
те
лах врагов. Зеленокожих лежало по пояс,
не
ровная стена трупов грохотала вокруг
за
полненных кровью воронок. Они атаковали
нас в лоб, ревя как бешеные псы, когда при
литивное оружие рывало в их лапах.
Но они ничего не знали об истинной яро
сти. Ничего о жажде крови, которая ведет
в

бой всех сыновей Сангвиния.

Моя кровь гудела в венах и горела, как
тле

ющие остатки военных машин орков,
пятна

ющих равнину. Облако боевого гнева
окутало

меня, раскаляя мозг. Безудержная ярость
вы

рвала рычанье с моих губ, требуя, чтобы я
убивал снова.

Я немедленно подчинился и в мгновение
ока убил ближайшего человека. Влажные
пла

стины его брони стаялись под сокрушитель
ным ударом моего ценного меча. Его тело
разорвалось и упало. Пульс в моей голове
ускорился как ликующий ребенок, когда я
убил следующего гвардейца. Я убил еще
одно

го, потом еще и еще. Люди утирали
слишком

легко, а я жаждал настоящего убийства. Я

от

бросил оружие и стал молотить бегущих
сла

баков бронированными кулаками. Не обра
щая внимания на укусы отчаянного
лазерного

огня, я обхватывал пальцами их головы и
сжимал. Когда они лопались, мозгли
брызга

ли на мой шлем. Вонь крови и
экскрементов

походила на амброзию. Я купался в запахе,
стакую примитивную сторону смерти.

Что-то тяжело ударило в мой шлем. Я
ощу

тил, как треснула челюсть. Перед
глазами по

плыло. Меня снова ударило, я споткнулся и
упал.

Я долго считал, что после смерти меня
забе

рет тьма. Вместо этого я проснулся и
понял, что сам стал тьмой.

Облаченный в черную броню, я был зафиксирован магнитом, заключен в несущуюся

десантную капсулу. Красные косые кресты пятнали мои наплечники и поножи. Только

блестящий символ Ордена говорил, что я ко

гда-то был в рядах Расчленителей. Со мной

было девятеро моих новых боевых братьев.

Их оптика прорезала во мраке багровые дыры. Они рычали вместе с грохочущей десант

ной капсулой. Злобное рычание вырывалось и из моего горла, звериный звук, которого я

не узнавал. Я чувствовал, что мои мускулы

напряглись под броней, увеличиваясь от желания рвать, калечить, убивать.

Высотомер

надо мной вел отсчет к нулю. На миг я

увидел, как счет пошел в обратную сторону, вверх.

Быстрее и быстрее, он подсчитывал жизни, которые я забрал и, конечно, еще заберу.

Капсула грохотала, когда ферритовые лестницы ударили по земле. Освободившись от

уз, я полчился вперед, ведомый тою гремящими сердцами, вниз по ранне и дальше, в острый свет битвы.

Враг был повсюду. Грациозные воины в хрупкой броне сражались мечами, на которых

потрескивали лазурные молнии. Другие, в бо

лее массивных, сегментированных доспехах, таких же черных, как мои, стреляли издалека

залпами разрывных зарядов. Хрупкие чужаки

завопили боевой клич и бросились к нам. Я рычал, ненависть рвалась из моего горла

ро
кочущими волнами. Я мог ощутить запах
их
страха, их ужас при нашем прибытии и
услы
шать слабый стук их чужих сердец. Моя
рука
с мечом взлетела и упала, взлетела и
упала, подчиняясь собственному
стертоносному ра
зуму, когда я резал и кромсал с силой,
которой
прежде никогда не знал. Когда я ворвался в
их
ряды, оторванные конечности и искромсан
ные туловища полетели вокруг, как
шторм из
плоти. Мой гнев не стихал. Они все
умрут. Я
убью их. Я...
Кровь. Кровь, наполнила мой рот, когда
трещащий меч пронзил мое основное
сердце.

Тьма забрала меня. Но я не умер. Я был
воз
рожден, мне подарили жизнь воплощенной
смерти.

Когда я очнулся внутри, мой разум горел
от

мучительных обрывков видений.

Кошмарные

воспоминания о нейросверлах, костных пи
лах и ежкостях биожидкости которые
висели

надо мной, как нити марионетки.

Сангвинар

ные жрецы Ордена и технодесантники
погре

бли меня в адмантиевой утробе
дредноута.

Меня преследовали пылающие
воспоминания

— бессильный гнев, который я чувствовал,
привязанный к их столу. Я закричал.

Вместо

голоса зазвучал металлический рев. Мое

смертное тело было разрушено, а
голосовые
связки давно атрофировались. Мой мир
сжал
ся до обрывков инфо-пакетов, которые
посту
пали в мой мозг через сенсорий саркофага.
Мои действия толковали священные
машины
и вокс-усилители. Я снова закричал, улыба
ясь, когда слышал искаженный рев.
Я был только сталью и гневом.
Завопили тысячи сирен. Их непрерывный
визг разжег мою ярость, они вытащили
меня
из моей грелоты и привели в сводчатый
ко
ридор. Изувеченные тела Расчленителей
и
истерзанные останки людей-ауксилариев
по
крывали пол тошнотворной пастой.
Оружие

зрело со всех сторон. Я зарычал в
ответ и

ударил по стене массивным силовым кула
ком, дарованным моему адамантиевому
ту

ловищу. Я ринулся в смежный коридор,
круша

остроконечными пластинами моих ног вы
ступающие позвоночники существ. Я
ревел, ликуя, когда мои аудио-сенсоры
улавливали

треск хребтов ксеносов и передавали звук
в

мой мозг. Новая орда существ бросилась ко
мне. Я поймал одно и моментально
раздавил, из другой моей руки вырвался
поток пламени, который смыл остатки
орды и очистил кори

дор от их мерзкой заразы.

У меня за спиной раздалось рычание. Я по
вернулся, но недостаточно быстро.
Чудовищ

ная тварь с пастью, сочащейся огненной

кис

лотой, бросилась на меня. Она взвизгнула
от

боли, когда мой кулак ударил ее в морду,
но

продолжала прижимать меня к стене. Ее
коз

ти, каждый глиной с той корпус, вонзились
в

меня. Но я не почувствовал боли, когда она
разорвала хватку и рассекла меня надвое
ог

ним текучим движением. Мой разбитый
сар

кофаз упал на пол, словно стреляные
гильзы

какого-то могучего осадного орудия.

Мой силовой элемент поврежден. Работа
моего мозга скоро прекратится. Я не
проснусь

после этой последней смерти. У я рад.

Лишь пепел остался

Ник Кайт

WARHAMMER

40,000

Встречайте пятнадцатилетие Black Library

ЛИШЬ ПЕЛЕЛ ОСТАЛСЯ

Ник Кайм

Переводчик: AlexMustaeff

Маглев спускался медленными, резкими рывками, издавая механические скрипы и пог
тяжестью трех фигур в капюшонах и, нестот
ря на то, что был рассчитан на постоянные
перевозки руды и грузов в Глубины, с трудом
выдерживал их вес.

Издав пронзительный визг, подъёмник намертво встал, оставив своих пассажиров в полной темноте на полпути в никуда.

— Нам нужно двигаться, — произнес стоящий впереди. Его руки были скрещены на груди, в темных низовьях подулья его власт

ность просто лучилась из-под низконадвинут
того капюшона.

— Уже, сэр, — второй, стоящий последним на площадке, опустился на колени рядом с взбунтовавшимся движком маглева. Тот

не

многое вымился, где-то даже проскочил язычок пламени. На мгновение он слабо осветил

лицо под капюшоном, и глаза, сочувственно

вспыхнувшие красным огнем.

После нескольких секунд ремонта и бурмотания проклятий первый вновь заговорил.

— Сколько еще?

Тяжелый удар закованной в броню лапони заставил двигатель с перебоями ожить.

— Уже, сэр.

Первый криво улыбнулся.

Спуск продолжился и в скором времени

лазлев окунулся в свет редких люминосфер

Глубин. Как и в верхнем мире, в нижней части

улья была развита тяжелая промышленность.

Но в отличие от верхнего города, порядком тут

был галек от совершенства, а в
большинстве
своем, вообще отсутствовал. Здесь были
чу

говуща. Одного из них и искали эти трое.
Они

проследили его до этого погруженного во
лтрак места.

Пронзительно скрипевший маглев, с шу
том качнувшись в последний раз,
остановил

ся, достигнув земли. В пяти милях от
поверх

ности этот звук разнесся по всей
территории

Глубин.

Встревоженное внезапным шумом, в своих
закоулках зашевелилось разное отребье.

Ух здесь ждали. Трое знали это и были со
ответственно подготовлены. Но сейчас по
донки прятались в тенях, скрывались за
пре

делати видитости, были безликими.

Ступив в просторный зал, с полом из металлических решеток и сплетением изрыгаю

щих пар труб над головой, трое переключили

внимание на окружающую обстановку.

Спустя несколько минут и несколько сотен

метров их окликнул голос.

-- Это частные владения, -- слова растягивались, словно сказавшему было лень произнести их.

Трое одновременно развернулись и увидели причудливо одетого человека и еще пятна

дцать с ним. Каждый из бандитов был увешан

большим количеством оружия, от обычного

вида до экзотического. Все были одеты в кожу

и цветные банданы; главарь носил широкопо

люю шляпу.

— Удите своей дорогой, — сказал им первый, нагвизая пониже на глаза свой капюшон.

— Мы не можем этого сделать, — ответил

главарь банды. Его дружки начали окружать

троих. — Видишь ли, вы должны заплатить

пошлину.

Третий, не произнесший ни слова с тех пор

как они сели в подъяетник, напрягся для напа

дения, но первый придержал его за руку.

— У нас нет денег. Я советую тебе еще раз

— бери своих людей и иди своей дорогой.

Главарь банды явно был бойцом. Но также был идиотом.

— Не нужно денег, громила, — сказал он, намекая на размеры первого. Если они и

про
извели на него впечатление, то он ничем
это
не показал. То ли из-за пятнадцати
группов, то ли из-за того, что трое из них
были громад
ными хроно-гладуаторами,
заграждающими
свет лютиносфер. -- Нам нужно ваше
оружие, ваша кровь и ваши органы.
Отдайте по-тихо
му, и я всё сделаю наименее болезненно.
-- Вы совершаете ошибку, -- произнес пер
вый, и оба его компаньона развернулись,
наж
дый лицом к своему участку
сжидающегося
кольца бандитов. Оба защищали груп
группу
спины.
-- Вы не понимаете простую
арифметику.
Шестнадцать против трех -- плохой

расклад.

--- Для вас --- да, --- негромко сказал первый.

--- Дайте распотрошить их! --- с яростью в голосе прорычал третий.

Первый был явно против этого, он убрал руку с меча под плащом, но затем уступил и сделал шаг назад.

--- Быстро и тихо.

Главарь банды произнес команду и три хроно-гладигатора с ревом пришли в движение, круша всё пневмомолотами и электрорыльцами.

Пронесаясь меж ними, тише и быстрее чем мог позволить полный комплект брони, третий обрубил им руки в потоках крови и масла.

Блеющий звук срывался с рыхлых губ гладигаторов, падающих и утирающих от быстрой

кровопотери, время остановилось на их часах.

Оставшился бандитам, испуганным и лишенным дара речи, потребовалось несколько

секунд, чтобы осознать, что произошло. Пер

вым пришел в себя главарь, он нацелил дробовик в грудь третьему, но едва ли мог оста

новить его. Он затешкался, увидев под плащом меч, но времени выкрикнуть предупреждение уже не было, поскольку глиняный косяной коготь вонзился ему в грудь и, пройдя

сквозь тело, вышел из спины.

Остальные продержались не долго. Один или двое получили по лазерному разряду.

Громадный бандюган даже успел завести ав

томашку прежде, чем был раскромсан вместе

с ней. Всего за девять секунд все

шестнадцать

подонков были мертвы, их кровь и внутренности раскрасили стены Глубины.

Когда всё закончилось, первый спросил:

— А как же тишина, брат Зартам?

— Вы же сказали «быстро», брат-капитан Агатон.

Агатон вздохнул. Если бы бывший Черный Дракон не был бы таким превосходным охотником,

то он был бы рад оставить его на «Гне

ве Вулкана» с остальными Тремя.

— Они охраняли кое-что, — позвал второй из темноты.

Агатон и Зартам последовали к нему.

— Что ты нашел, брат Эксор?

Технодесантнику не нужно было отвечать.

Это легко можно было увидеть, окруженное

щебнем и многомесячным мусором и

покры

тое толстым слоем пыли.

Десантно-штурмовой корабль. С нанесенным символом ордена Злобных

Десантников

-- крылатой молнией.

Агатон кивнул Зартату, и тот с проворством

наука поспешно проник внутрь через рваную

дыру в фюзеляже.

Прошло несколько минут, прежде чем он снова появился.

-- Ну? -- спросил капитан Саламандр.

-- Куча тел, все принаглежат Злобным.

Но

хоже, что он их всех убил.

Тревога Агатона усилилась.

-- А наша добыча?

Зартат покачал головой.

-- Только его запах. Он жив, но он не здесь.

Лишь пепел остался.

Легкая добыча

К. З. Данн

WARHAMMER

40,000

Встречайте пятнадцатилетие Black Library

ЛЕГКАЯ ДОБЫЧА

К. З. Данн

Переводчик: d_xenon

Первым признаком того, что Темные
Анге
лы попали в беду, стал болтерный
выстрел, который пробил насквозь визор в
шлеме
Церетиила, болт взорвался в мозгу и убил
брата на месте. Огромная фигура костюма
сантника неловко покачнулась и через
секун

ду рухнула на пыльную землю городских
троту
щоб, густая алая кровь окрасила темно-
зеле
ный кератит силовой брони. Раздался
резкий

звук еще одного выстрела, однако, только
что

ставший свидетелем участи Церетиила
брат

Тирах, опередил стрелка и ушел под
прикры

тие сборно-разборного барака. К этому вре
мени третий выстрел дал о себе знать

эхот, угонив в гофрированную
металлическую сте
ну наобум поставленного строения.

Именно

такие дома все вместе составляли
судбурное

подобие городка, Тирах тут же засек
место

ложение стрелка и тип его оружия.

Невиди

мый противник стрелял из болт-
пистолета, что само по себе выглядело
странно. Неболь

шой горняцкий планетонг по технологиче
скому уровню недалеко ушел от использова
ния паровых машин, но гораздо больше
брата

Тираха тревожила легкость стрельбы.

До

вольно сложно прицелиться и попасть в не
большой визор шлема со стометрового рас
стояния. Попасть в него с двухсот метров

божий дар, с трехсот --- на грани
невозможно
20.

Попасть с расстояния в четыреста
метров
может только сверхчеловек.

Четвертый болт-снаряд оставил по себе
метку, за ним тут же последовал пятый,
вы

стрелы пробили тонкий металл внешней
сте

ны жилища, потом то же самое
произошло с

задней стеной. Пара отверстий ---
"звездочек"

появилась чуть выше плеча Темного
Ангела, как некое доказательство
прогресса. Прежде, чем стрелок нажал на
курок еще раз, Тирах

выбрался из укрытия и, двигаясь
зигзагами

чтобы затруднить прицеливание,
перебрался

к следующему бараку. Звук шестого
выстрела
раздался в холодном ночном воздухе...
Поначалу их миссия казалась такой про
стой. Этот мир собиралась зачистить
Цикви
зиция, хотя ни Церетиил, ни Тирах не
посчи
тали нужным даже заполнить его
название --
оно не относилось к делу. Когда Орго
Ерети
күс запросила у Агентүс Астармес
помощи, отделение Темных Ангелов было
отправлено, чтобы содействовать
Циквизиции. Культ Сла
анеш пустил в этом мире глубокие корни,
они
проникли в Администратүт, который
управ
лял добычей полезных ископаемых.
Плането
ид не просто мешал контрабандистам и
тира

там, которые вели в подсекторе свой
промы
сел, из-за запасов руды он представлял
собой
нечто большее. От идеи Экстерминатуса
вско
ре отказались, руда была жизненно
необходи
ма для производства некой миниатюрной
ге
тали, которая использовалась в танках,
созда
ваемых соседним миром-кузней. Задача
Тем
ных Ангелов заключалась в уничтожении
на
планете всего живого, при этом
инфраструк
тура должна была остаться
неповрежденной
и пригодной для повторного заселения.
Космические десантники быстро справи
лись с истреблением потенциальных

ерети

ков в двух больших населенных пунктах, и только зачистка удаленных горняцких посел

ков проводилась разбившимися на пары Тем

ными Ангелами, которые несли туда правосу

дие Императора. Они не ожидали сопротив

ления и не собирались его терпеть...

Седьмой выстрел разбил окно и Тирах поспешно присел. Пока он добирался до следующей непрочной металлической конструкции, восьмой, девятый и десятый выстрелы

безвредно просвистели мимо. Теперь Темный

Ангел имел четкое представление о местополо

жении стрелка и, когда грянул двенадцатый

выстрел, заметил, как дульное пламя

вырыва

ется из вдребезги разбитого окна рядом с
двер

рю барака, в котором укрылся противник.

Вытащив оружие, комодосантник на
ходу от

крыл огонь и переместился к последнему
сборному сооружению перед целью. Едва он
оказался под прикрытием здания, как
зряну

ли выстрелы начиная с тринадцатого по
сем

надцатый, болты беспорядочно ушли в
сторо

ну Темного Ангела. Стрелок, очевидно,
дошел

до отчаяния, теперь Тирах мог
использовать

это в своих интересах.

Темный Ангел смело выбрался из укрытия,
в автоматическом режиме ведя
обстреливая

хибару, в которой укрылся противник.

Доби

раясь до позиции вражеского стрелка, он пол

ностью опустошил обойму. Из дома доносились крики, готовясь встретить сопротивление,

Тирах поменял в болтере обойму, после

чего сорвал переднюю гофрированную стену

жилища так же легко, как ребенок обдирает с

подарка оберточную бумагу.

В углу сборно-разборного барака, съежившись, прятались шахтеры, их было около десятка.

Обостренные чувства Тираха уловили

запах пота, который почти заглушал запах

страха. Некоторые люди были уже мертвы, потому что попали под огонь Темного Ангела, другие же, плача и рыдая,

утоляли Императо

ра о пощаде. Главарет этих оборванцев
ока

зался грожащий старик, болт-пистолет
он не

уверенно навел на костодесантника, слезы
стекали по торщинистому лицу,
промывая

глубокие дорожки в угольной пыли, покры
вавшей щеки.

Тирах вскинул оружие, готовясь расстре
лять еще одну обойму, но в этот миг
догадка

коснулась его, костодесантник слегка опу
стил болтер и в задумчивости склонил
голову.

— Подождите. Как вы...?

Конец вопроса затер на губах, нечто обжи
гающе-горячее вонзилось между
лопатками

Тирах, вонь перегретого водорода и
жарено

го мяса наполнила тесное пространство

хиба

ры. Тирах разжал пальцы, выронил болтер
и

свалился на колени, пытаясь набрать
воздуха

в израненные легкие, тем временем
огромная

тень накрыла и его, и испуганных
шахтеров.

— Готово, — произнес голос, подобный
уксусу и меду. — А теперь уходите.

Шахтеры не заставили просить себя два
жды, помогая тяжелораненым и бросив
мерт

вещей, они покинули разгромленный барак.

— Мое оружие, — произнес голос, когда
старик попытался уйти.

Тирах чуть-чуть повернул голову и
увидел, как старый горняк, перед тем как
скрыться

вслед за товарищами, передает болт-
писто

лет закованной в зеленую броню Темных

Ан

гелов рүке.

— Пожалуйста, брат. Тут какая-то
ошибка...

— произнес Тирах.

Второе сердце дрогнуло, хотя он понимал,
что все равно утирает.

— Я уже давно тебе не брат, — ответила
фигура, которая обошла по кругу
сраженного

костодесантника и остановилась перед
ним.

Вновь явившийся носил стихарь поверх си-
ловой брони, капюшон скрывал черты его
ли

ца. Ножны висели у незнакомца на поясе,
он

держал болт-пистолет в одной руке, и
плаз

менный пистолет — в другой.

— Что ты здесь делаешь?

Тирах на мгновение растерялся.

— Я... Я здесь, чтобы исполнить волю Им

ператора. Чтобы сохранить его владения
сво

бодными от порчи и еретической скверны.

-- Император, ты говоришь?

Фигура в капюшоне на мгновение умолкла
и присела так, чтобы лицо оказалось на
одном

уровне с лицом Тираха.

-- Я знаю Императора. Это... -- он указал
на

пронизанные болтами тела шахтеров в
углу

барака. -- Это не его воля.

Прежде чем Тирах успел запротестовать,
ствол пистолета одетой в стихарь
фигуры очу

тился возле прикрытого шлемом лба
Темного

Ангела. Затылок Тираха разлетелся
темно-

красными брызгами, звук выстрела эхом
от

разился от металлических стен барака.

Эхо еще не затерло, а фигура в стихаре,
словно призрак, уже исчезла в трущобах.

Чтобы помнили

Аарон Дембски-Боуден

Встречайте пятнадцатилетие Black Library

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Аарон Дембски-Боуден

Переводчик:

Stahlmanns

Eisenfrau

Некроном молча шел по городу мертвых --
духовному центру этого в остальном
беспо

лезного мира. Помощник следовал --
точнее, тащился -- за ним, отстав, как
предписывала

программа, на три шага. Он что-то
бормотал

себе под нос и постоянно крутил головой,
на

водя встроенный в глаз магифер на
разные

объекты. Бормотание сервитора казалось
не

уместным, но с этим ничего поделать
было

нельзя. Привычка говорить с самим собой

входила в число многочисленных
поведенче

ских расстройств, которыми сервитор
обза

велся за тридцать девять лет -- именно
столь

ко времени прошло со дня, когда Эска купил

его у старьевщика на своем родном мире.

Другим расстройством была хромота.

Бю

ническая нога сервитора не сгибалась
полно

стью, что осложняло ходьбу, и поэтому он
не

редвигался неловкими, прерывистыми
полу

шагами, а Эска был вынужден слушать
грохот, с которым искусственная нога его
помощника

волочилась по мостовой.

— Провожу экспокоррекцию, — пробормо
тал сервитор, наклоня голову, и до Эски
до

неслось механическое урчание, которым со
провождалось это движение. — Коррекция
перспективы завершена. Дополнительные
за

полтинающие устройства заполнены на

сорок

сечь процентов.

— Да, — тихо отозвался Эска. — Как скажешь, Солюс.

Уля «Солюс» выбрал для сервитора старьевщик, чтобы как-то к нему обращаться, отдавая команды. За все это время Эска мог

бы уже отдать помощника на перепрограммирование — лоботомизированный биониче

ский раб возражать уж точно не стал бы, — но

одна мысль об этом вызывала в нем необъяс

нимое чувство вины.

Некроном натянул на голову капюшон, укрываясь от пронизывающего ветра. На этой

планете даже в ветре чувствовался запах

ла. Иногда прошлое оставляет такие следы, которые не стираются годами.

«Если вообще когда-нибудь стираются», —
подумал он.

Он приблизился к первой из гробниц, тя-
нувшихся вдоль очередной аллеи.
Памятник, вырезанный из черного камня,
изображал
еще одного воина-гиганта, лицо которого
бы
ло скрыто под величественной, но ничего
не
выражавшей маской шлема. Статуя была
уста
новлена на постаменте из черного с
белыми
прожилками мрамора — камень, добытый
на
другой планете, привезли сюда, чтобы
испол-
нить последний, самый священный долг. По-
двадцать таких статуй стояло вдоль
каждой
аллеи в этом городе мертвых: место
погино

веня для Агентус Астартеc, а для
ученых
вроде Эски -- еще и центр паломничества.
Эска встал на колени перед бронзовой та
бличкой и приложил лист пергамента
поверх
выгравированных букв. Хотя фиксировать
все
имена и надписи было обязанностью
Солюса, некроном любил иногда делать
собственные
записи. Ему казалось, что так его
отчеты об
ретают содержательность. В работе
некроно
та нет ничего сложного, но трудность в
том, чтобы выполнить ее хорошо. Память
-- в ней
все дело. В ней -- и в правдивости
пережива
ний. Одного списка имен недостаточно.
Стараясь не обращать внимания на боль в
коленях, Эска начал тереть куском угля

по
пергаменту, деля отпуск нагниси, что
по

вествовала о подвигах воина. В который
раз

он поймал себя на том, что, опускаясь на
ко

лени, он упорно делает вид, что все еще до
статочно молод для этого и может
обойтись

без стонов и вздохов, что в свое время
издавал

его отец, точно так же склоняясь у
могилы.

А затем он услышал шаги.

Эска поднял голову. Зрение было уже не
то, и ему пришлось пристально
вспатриваться, чтобы разглядеть
дальний конец аллеи. Пять

фигур, пять оживших статуй, и они идут
в его

сторону. Идут огромными шагами, и
расстоя

ние сокращается за мгновения.

— Здравствуй, — сказал идущий первым, тот, кто был облачен в черное. У его шлема

была личина в форме черепа с глазницами, горевшими алым; череп скалился в ухмылке, словно знал все тайны мертвых.

— Я... Я... — Горло Эски сжалось, когда он попытался одновременно сглотнуть и закон

чить фразу. — Я...

— ... мастер поговорить, — сказал другой, чьи плечи украшала перевязь из уродливых черепов каких-то ксеносов. Остальные воины-гиганты отозвались на это смешками, но

которые донеслись из вокалайзеров их шлемов

как потрескивающий рокот.

— Я... — попробовал Эска еще раз. — Мне разрешили здесь находиться. У меня есть пропуск.

Только один из воинов носил черный до
спех. Броня остальных была глубокого
синего

цвета --- такого цвета бывают океаны на
иных, лучших планетах, оставшихся
незапятнанны

ми. Один из них, в алой мантии поверх
доспе

ха, опирался на тяжелый топор.

--- Пропуск у него есть, --- сказал он.

--- Потрясающе, --- изрек другой. У него был
белый шлем и громоздная перчатка на
руке, оснащенная сканером, который
постоянно

пощелкивал, и набором инструментов
вроде

трепанов и медицинских пил. Эска с
трудом

заставил себя отвести взгляд от этих
пыточ

ных орудий и трясущимися руками стал
рыть

ся в сумке в поисках пропуска.

-- Хватит, -- сказал воин в черном. На плече он держал зверского вида боевой молот, изобильно украшенный письменами на готи

ке. -- Мои братья лишь подтрунивали над то

бой, они не хотели тебя оскорбить. Вот он --

сержант Деметриан, а это брат Улрих, брат

Тома и аптекарий Вэйн. А кто ты?

-- Эска, -- ответил он. -- Эска из Тереша. Я

некроном, лорд, и здесь по поручению моего ордена. Я записываю...

-- Мне известно, чем занимаются некрономы, Эска из Тереша.

Все еще грожащими руками старик протя

нул воину пропуск. Он так и не поднялся с колен. Он не был уверен, что сможет.

-- Вот он, лорд. Мой пропуск. Посмотрите.

-- Не нужно показывать мне пропуск, Эска,
и я никакой не лорд. Я капеллан, а зовут
меня

Арго. Обращайся ко мне или по званию,
или

по имени. Зачем ты здесь?

Старик опять с трудом сглотнул и
указал на

статую, у ног которой стоял:

-- Я записываю истории павших. Их имена.
Их подвиги.

-- Я спрашивал тебя не об этом. --
Капеллан

поднял руки к горжету и расстегнул
гертоза

творы. С тихим шипением вырвался
наружу

сжатый воздух, и воин снял шлем. Лицо
его

оказалось... молодым. Эска едва мог в
такое

верить. Настоящий гигант, а на вид --
лет

двадцать-тридцать.

У воина были светло-голубые и на удивление добрые глаза.

— Я спрашивал, — продолжил капеллан, и без потрескивания вокса его низкий голос об

рел чистоту, — зачем ты прибыл на Мир Рин

на? Имена всех наших павших записаны. Все

внесены в списки, и в не одной сотне архивов.

Эска почувствовал, что, кажется, краснеет.

— Я не только выполняю свой долг, но и совершаю паломничество. Мне всегда хоте

лось побывать здесь, в Некрополе, хотелось увидеть его собственными глазами. Мой ор

ген ищет места, где смерть оставила особен

но сильный отголосок, места, где прошлое

и
его переживания не стерлись. Мы... мы
себе
рает память о мертвых. Символы, их
лице
творяющие. Нерассказанные истории. Случаи,
которые в итоге забудутся и никогда
не
попадут в обычные безликие архивы.
Арго присел рядом со старым некрономом.
Силовой доспех издавал непрерывное гуде
ние, от которого у Эски занули зубы.
Черная
кератитовая броня отзывалась глухим
рыком
на каждое движение ее владельца.
--- Это кладбище Багровых Кулаков, ---
тихо
сказал капеллан. --- Иногда --- очень, очень
редко --- мы и сами совершаем сюда
паломни
чество. Приходим, чтобы помолиться,
поду

мать, вспомнить -- а затем вновь
отправиться

к звездам. Ненависть ведет нас в новые
кре

стовые походы. Сожаление заставляет вер
нуться домой. Стыд не дает остаться.

Арго помог старику подняться на ноги и
поддерживал первые несколько шагов.

-- Хочешь добавить кое-что к своим архи
вам? Что-то кроме сухого и
бесстрастного не

речня имен? -- Воин указал на забытый
лист

пергамента, так до конца и не
заполненный.

-- Почту за честь, лорд.

-- Арго, -- поправил Эску капеллан, еле за
метно улыбнувшись.

Один из воинов выступил вперед. У на
плечник, и вся левая рука у него были
выкра

шены в серебряный цвет; на доспехе был
изображен символ Священной Инквизиции.

-- Я Тома. Война, с чьего надгробия ты делал оттиск, звали Атрэн. Да будет записано в

твоем иноземном архиве, что Атрэн стрелял

из болтера с нещадной меткостью. Ни разу не

видел, чтобы он промахнулся.

-- Я Утрих, -- заговорил следующий, тот, кто носил перевязь из черепов ксеносов. --

Однажды Атрэн побил меня в кулачном бою.

За это я его так и не простил.

Затем вперед вышел воин в белом шлеме:

-- Я Вэйн. Именно я извлек геносетя Атрэна. Его генетическое наследие живет в грузом

воине ордена. Пусть это будет записано в тво

ем архиве, Эска из Тереша.

Последним выступил гигант в алой мантии, вооруженный топором:

-- Я Деметриан. Атрэн умел смеяться

так, что его братья забывали обо всех сомнениях.

Запиши, что он -- один из тех погибших воинов,

кого нам, выжившим, больше всех не хватает.

Эска лихорадочно записывал каждое слово, не обращая внимания на боль в пораженных артритом пальцах. Наконец он посмотрел на

Арго:

-- А вы, лорд?

Капеллан не ответил. Между ним и старым

некрономом протелькнуло что-то -- мгновенное понимание, которому слова не нужны.

Арго повернулся, снял латную перчатку и вынул

гладиус из ножен на бедре. Провел клин

ком по лагони -- кровавая линия окрасила алым металл. Ничего не говоря, воин

прижал

рассеченную лагонь к груди статуи.

Так же поступили и остальные воины. Все пятеро почтили павшего брата, прикоснувшись к холодному камню обгазренными ладо

нями. Единство, перед которым смерть бес

сильна. Дружба, для которой даже могила не

станет преградой.

-- Солюс, -- прошептал Эска.

-- Слушаюсь, -- отозвался сервитор, расшифровывая намек хозяина. Умагифер зашелкал, записывая этот удивительный, необыкновенный миг. Мало кто за всю историю

Империи получал шанс стать свидетелем

того, как Агентус Астармес отгадывает почести

своим павшим товарищам в таком сокровен

ном ритуале. Эска служил своему ордену дол

гие годы, побывал более чем на тридцати планетах, но за это время не видел в архивах

даже косвенных упоминаний о чем-то подобном.

Его запись станет первой.

Завершив обряд, воины надели латные перчатки. Арго сотворил знак имперской ака

вилы, сложив руки поверх нагрудника.

-- Помни нас, Эска из Тереша. Помни Мир Ринна, помни Амрена из Пятой роты.

-- Я буду помнитъ. -- Он с трудом мог говорить. -- Буду.

-- Хорошей тебе смерти, -- пожелал капеллан, надевая шлем. Личина-черепа превратила

последние слова в бездушное рычание вокса.

-- Но прежде чем это случится, хорошей

тебе

жизни.

Слабость других

Лори Голдинг

WARHAMMER
40,000

Встречайте пятнадцатилетие Black Library

СЛАБОСТЬ ДРУГИХ

Лори Голдинг

Переводчик: Voss

Огнетет массивен, непривычен для моих
рук, намного тяжелее пистолета в кобуре.
Но

лугабытые тренировки направляют мою
руку.

Открываю резервуар, регулирую угол
воспламе

нения. Снимаю с предохранителя и
нажимаю

спусковой крючок.

Изнутри раздаются новые крики и взрывы
неиспользованных болтерных снарядов, рвущихся
в своих магазинах. Жар пламени
пог

нимает пар с замерзшей земли со всех
сторон.

Движение.

Грохот бронированного тела,
катающегося

по земле. Шаги. Неустовые.

Не раздумывая, поднимаю огнетет и бью

Дител Кровопротития по широкой дуге.
Мой

расчет времени идеален — визжащие зубья
цепного топора встречают пылающего
чело

века в тот же момент, как он появляется
из

арочного прохода, разрубая горжет, плоть
и

кости. Его голова падает на пол прежде,
чем

он почувствовал новую боль от удара.

Показания счета на моем визоре
отмечают

убийство. 1302.

Значок маленького красного черепа всплыва-
ет рядом с цифрой, когда телетранс-
миссия пере-

дает местоположение. Я не знаю, кто
получа-

ет данные. Я знаю лишь, что после
возвраще-

ния жертвы всегда ждут меня — новые
чере-

па, сваленные в кучи на моем боевом

посту.

Никто не превзойдет мой счет сегодня.

Старый Легион поощрял «Состязание». Не сомненно, когда я впервые оказался перед центурионом Грүнером на учебных полигонах Богта, вместе с другими рекрутами, при

писанными к его тренировкам, это была уже

сложившаяся традиция. Магистр

Рекрутов, рожденный на Терре ветеран

Объединитель

ных войн, долго смотрел на нас, прежде чем

зарычать со своим резким йертманским акцентом.

— Вы слабы. Я вижу это, просто взглянув на

вас. Вы сильнее, чем когда-нибудь были ваши

друзья и родные, можете благодарить за это

Императора. Но я не думаю, что внутри

хотя

бы одного из вас есть огонь.

Мы нервно переминались под взглядом
этого гиганта, его обнаженный торс
пульси

ровал сверхчеловеческой силой и щеголял
ис

күсно сделанной татуировкой какого-то
хищ

ника из псовых, впивающегося в свою
жертву.

Хотя шрамы от усиливающей хирургии
были

все еще свежи, нас посчитали готовыми
на

чать тренировки легионеров.

--- Мы начнем не с болтеров и топоров, ---
продолжил он. --- У я не скажу вам, как
зашну

ровывать ботинки. Вместо этого я
покажу, как

Псы Войны узнают кто лучший.

Центурион вытащил предмет из

холщевого

мешка на бегре и почтительно протянул
его

нам. В тусклом свете зари из-за огромных
пальцев смотрели пустые глазницы,
гладкая

кость была отполирована почти до
блеска.

— Все легионеры участвуют в
Состязании.

Правила просты — первым собрать тысячу
черепов.

По группе пробежался возбужденный ро
кот. Один неофит поднял руку.

— Милорд, что мы выиграем?

Грунер пожал плечами. — Неизвестно. Ни
кто еще не приблизился достаточно
близко.

Когда он заботливо положил череп на ме
сто, я осторожно поднял руку.

— Милорд... где нам достать черепа?

Татуированный гигант заревел от
хохота, привлекая внимание других

легионеров и
неофитов, ставших свидетелями моего
пер
вого унижения.

Несколько раз судорожно моргнув, я избав
ляюсь от воспоминания. Мои чувства
верну
лись. Я взвалил огнемет на плечо и
ускорил
шаг.

Дорога под ногами ненадежна. Кровь, ко
торая прежде свободно текла по плитам,
те
перь замерзает из-за стремительно падаю
щей температуры скалатракской ночи.

Доспе
хи навших покрывает изморозь, а там где
по
работало Дитя Кровопротия, их
отмечают

более темные пятна киновари.

Я определенно не сталкивался с таким хо
лодом. Это не глубокий холод тундры на

Гегрене V, и не легяные бұри, которые
вычи
щали горные дороги на Текели. Этот
холод
обжигает и кусает. Холод, который
грозит по
хитить внутренний огонь.

Но не у меня.

Победа или смерть. Сыны Агрона никогда
больше не проиграют. Я не позволю. Наши
враги падут, или же вместо них мы
предло
жим Кхорну себя.

К западу, в темноте раздается вой очеред
ной звуковой атаки. Мои ботинки
скользят по
обломкам, когда я иду обратно на звук, вну
три меня снова поднимается ярость.
Фүлгрим

возможно бросил их, но его ублюдочные
гетти
заплатят за...

Я слишком поздно заметил засаду. Время

замедляется.

Тени вокруг меня взорвались вспышками
болтерного огня, снаряды рвутся и
пробивают

осколками плоть моей обнаженной руки.
За

миллисекунды до прыжка я насчитываю
трих

стрелков и еще одну укрывшуюся фигуру.

Пистолет оказывается в моей руке до
того, как я отрываюсь от земли, и
вспышка раска

ленной плазмы испаряет голову
ближайшего

нападавшего. Мимолетное сожаление из-
за

потери черепа. 1303.

Шальной снаряд бьет в мой нагрудник, ме-
няя направление моего прыжка и вынуждая
меня убить спрятавшегося воина
спонтанным

обратным ударом. Я разворачиваюсь,
чтобы

разрубить болтер третьего, после чего
опро

кидываю его бессознательное тело на
землю

и швыряю Дитя Кровопротия влево. Цеп
ной топор вонзается глубоко в горло
послед

него легионера, и артериальная кровь
бьет в

сводчатую крышу аркады. 1305.

Ярость стихла. Я стою над
распростертым

воином, который шарит рукой в поисках
оружия.

Слова. Гнев. Его лицо знакомо мне.

Грунер.

Он лежит среди тел наших павших
братьев

и говорит о безумии и предательстве. Он
про

кликает меня, чемпиона-берсеркера, кото
рый будет терзать свой Легион вновь и

вновь.

Воспитатель щенков. Кто ты такой,
чтобы

сомневаться во мне?

Я первым взобрался на стены Император
ского Дворца. Последним покинул Терру,
при

взятии Львиных Врат мое тело было
изнурено

убийством одного миллиона слуг
Императо

ра. Никто и никогда не превзойдет мой
счет.

Состязание закончено. Я победил.

Причина, по которой нас победили -- сла
бость других. Слабость в других легионах,
и

нашем собственном. Если это все, что
оста

лось от чести Пожирателей Миров,
тогда я

рад, что меня называют их предателем.

1306.

Всё --- прах

Джон Френч

WARHAMMER
40,000

Встречайте пятнадцатилетие Black Library

ВСЁ ПРАХ

Джон Френч

Переводчик: Voss

Останется только прах. Прах и пустота.

Я

не знаю, кто я. У меня было имя, но оно исчезло. Я — ничто. Я заперт в темноте,

без

конца падая сквозь разбитые воспоминания.

Я полню синее. Синим было небо, исполосованное красным огнем. Я чувствовал запах

ды

ма. На горизонте были пиратиды. Узкие трещины в

их стенах вырывался огонь. Мертвые скользили

ковром устилали землю. Среди тел стоял воин, его серый доспех забрызган, рот

открыт, как у

тяжело дышащего пса. Его зрачки — черные

дыры в янтарных оболочках. Кровь пульсировала

ла в моих венах, редела в ушах. Я бежал, стреляя

на ходу, каждым шагом вдавливая
мертвых в
кровавую грязь. Оружие в моих руках
грохало с
грохочущим ритмом. Серый воин зарычал
и
прыгнул мне навстречу. Снаряды
попадают в
землю вокруг него, выбивая красные
воронки в
мертвой плоти позади его ног. У него
топор с
обухом из черного железа и шириной с
грудь
человека, режущая кромка изогнута, как
улыб
на черепе. Я слышу свист этого оружия в
воз
духе. Топор ударил в мой бок. Он вошел
глубоко.
Я слышу боль, яркую как звезда и холодную
как
лед. Я истекал кровью, красная жидкость
бе

жала по красному госпеху, по золоту,
сочилась
на землю. Я погнял глаза, когда воин
выдернул
свой топор. С лезвия капала кровь. Она
блесте
ла на солнце, багровая на фоне синего неба.
То
гда я свалил его, я стрелял в него, пока он
не
превратился в разбитый госпех и куски
мяса. Я
убил его, прежде чем смерть смогла
забрать
меня. Я помню, что чувствовал в этот
момент
гнев и удовольствие, но не знаю почему.
Воспоминание исчезает. Я снова один. У
меня есть форма. Она человеческая, но я ---
пуст. Я всего лишь очертания. У меня
есть
руки, но я не могу прикоснуться. У меня
нет

рта, но я кричу с тех пор, как началось
мое

падение. Я хочу дышать, но не могу. Я не
могу

вспомнить, как это делать; только то,
как то

нуть в бездне, тонуть, не опускаясь на дно.

Время идет. Я чувствую его ход, подобный
ветру, хоронящему в песке статую.

Когда-то у меня было имя. Оно --- эхо, ис-
чезающее, но не полностью, всегда за преде-
лами слышимости. Когда-то я был
плотью, но

она исчезла.

+Гелио Усигор+

Голос приходит ко мне из черной ночи. Я
знаю это имя, но не полною почему.

Я полною огонь. Он был абсолютно белым,
цвета ядра солнца. Он грянул с черного
неба и

преобразовал меня. Я упал на руки и
колени.

Земля подо мной --- красная пыль, цвета

ржав

чины, цвета высохшей крови. Боль, более
жгучая

и резкая, чем любая рана, наполнила меня.

Я не

мог видеть; огонь сначала лишил меня
глаз, потом языка, прежде чем я смог
закричать.

Внутри госпеха вздулись мышцы, давя на
ме

сталл. Огонь горит во мне, покрывая
волдырями

мою кожу. Я чувствовал, как на моем
теле от

крываются рты, тысячи ртов с острыми
зуба

ми, каждый борется мольбу остановить
боль.

Огонь прошелся по моему телу, как руки
сквозь

жидкую глину. Я задыхался, словно утоная
в

песке. Ядовитое прикосновение паники
сожгло

мою плоть. Я не мог дышать. Я не мог
двигать
ся.

Все остановилось. Словно бритвой
провели

по памяти, жесткой линией отделили
меня от

всего, что было раньше.

Я ничего не чувствовал.

Я медленно встал, прах сыпется из моего
госпеха. Я начинаю идти, один медленный
шаг за раз. Густой туман окутывает мир.

Ря

дом со мной двигаются другие призраки.

Они

неуклюжи, как ожившие статуи. Где-то
вдале

ке я вижу группу фигур. Золотой свет
очерчи

вает их формы. Они стоят, словно
ожидая. Я

иду к ним, к свету. Я не могу вспомнить
свое

иля.

Воспоминание разрушается, и я медленно
вращаюсь сквозь пустую тьму.

+Гелио Усигор+ Это призрачный голос,
кричащий из тьмы.

Я вижу свет. Он далекий, как луна, мерца
ющая из-под волн. Свет становится ярче и
ближе. Я поднимаюсь из тьмы. Невидимые
руки тянут меня. Я чувствую пальцы,
сжима

ющие плоть, которой у меня нет. Я
пытаюсь

остановиться. Я не могу. Свет
становится все

ярче и ярче; это солнце, от которого я не
могу

отвернуться.

+Гелио Усигор+ снова говорит призрачный
голос. Я тоню, но не могу дышать. Я стучу
руками. Холодный металл обездвигивает
те

ня. Я -- вихрь праха, грохочущий в
металли

ческой коже.

+Гелио Усигор+ говорит голос, который
оказывается мыслью.

Я знаю это имя.

+Гелио Усигор+

Это мое имя.

Я вижу.

Мир -- движение, и огонь, и рев галеких
звуков. Я стою на поле брани из
прыгающего

огня и тающего снега. Рядом со мной
фигура

человека. Он носит доспех синевы
пустынно

го неба, а его шлем поднимается в
лазурно-

золотой гребень. Вокруг него трепещется
шелковая лантия, хотя ветра нет. Он
сияет

золотым светом, наполняющим мои
глаза. Он

более реален, чем все остальное, что я
вижу.

Это его голос звал меня из моего сна; я
знаю
это, но не знаю почему. Он поворачивается
и
указывает. Я шагаю вперед. В моих руках
оружье. Я вижу воина в доспехах, идущего к
нам.

Его доспех сер, как штормовые облака. Я
стре
ляю. Синие следы пламени находят серого
воина, и он опускается на колени, после
чего

загорается. Я иду вперед, рассматривая
мир

вокруг меня. Рядом со мной наступают
другие

воины в синих доспехах; мы движется как
один.

К мне движутся серые воины. Они высоки,
но сутулятся из-за спешки. Я вижу топоры,
мечи, и серый доспех, раскрашенный неров
ными узорами ярких цветов. Я вижу

черные

зрачки в расширенных желтых глазах.

Они

кричат на ходу. Я слышу их. Я понимаю их.

Они кричат о мести.

Удар поражает мое плечо. Он разрезает
те

ткань доспеха, обнажая черную пустоту
внутри

три. Я ничего не чувствую. Разрез
светится; он порождает зеленых
светлячков, а затем

слыкается, как закрытый рот. Я
поворачиваю

голову. Я вижу воина, который отводит
меч от

другого удара. Его лицо неприкрыто, а
борода

влажная и красная от крови. По лицу
тянется

разрез от виска к щеке. Я вижу белую
кость в

открытых краях раны. Он в шаге от меня.

Я не

знаю, как он подошел так близко.

Я стреляю. Мое оружие наведено вниз, и снаряды отрывают ноги воина в пламени, но

торое пылает даже после его падения. Его плоть начинает гореть внутри доспеха.

Я делаю шаг вперед, ступая сквозь пламя.

Я

останавливаюсь. Воспоминания кружатся в

темноте внутри моей кожи, скрипя как песок

о бронзу. Я смотрю, как горит серый воин, как

становится неплот, становится прахом.

Я

знаю, это должно что-то значить, но в моей

памяти только пустота, которая заглушает все

остальное. Я — очертания, сохранившиеся

во

сне о падении, и этот момент ничего не
зна

чит.

Дурной глаз

Дэвид Эннегейл

WARHAMMER

40,000

Встречайте пятидесятилетие Black Library

ДУРНОЙ ГЛАЗ

Дэвид Эннендейл

Переводчик: AlexMustaeff

Глаза у Беккета были беспокойные, и это мне не нравилось. Нас обучали в Схолье Прозе

ни ум выявлять ранние признаки изменений

в политике и нарушении служебных обязанностей. Это предполагало наличие способности читать язык тела и понимать все

его нюансы. Ханс Беккет не был предателем, и он не

был трусом. Но время, проведенное в заключении, сломало его, физически и морально,

так же как пески Голгофы разрушали металл

и плоть наших войск.

Я наблюдал за Хансом уже несколько лет.

Не могу сказать, сколько это в днях.

Понятие

времени, как последовательности моментов, наступающих из бесконечного

потенциала

будущего, чтобы стать достаточно
ясным и

определенным прошлым, было роскошью,
которой были лишены рабы на
костлическом

скитальце Гхазгүлла Маг Урүк Трака. У
нас

был лишь мучительный крик вечного
настоя

щего. Существовал лишь трүг, кнүт,
загоня, смерть. Раньше я пытался
высчитать продол

жительность стен, но орки делали все
эти по

пытки напрасными. Они просто
заставляли

нас работать до тех пор, пока количество
об

морюков от истощения не становилось
чрез

мерным. Тогда орки загоняли тех из нас,
кто

еще был жив, обратно в клетки. В них мы

сна

ли -- и это было лучшее, на что мы могли рассчитывать, ожидая лучительного бодрствования.

Беккет и я перевозили трофеи. Это было все

возможный хлам, собираемый с кораблей, но

которые вместе с центральным астероидом со

ставляли скитальца. Мы тащили тяжелые, не

поворотливые тележки со всяким барахлом

на большой склад, где нелепые орудия погонья технопровидцев разбирали эту рухлядь.

Мы тянули тележки за цепи, но сами прико

ваны к ним не были. Орки не беспокоились.

Куда мы можем пойти? И что за развлечение

избивать до смерти оставших, если

таковых

не было?

Глаза Беккета бегали туда-сюда, словно у неисправного боевого сервитора, ищущего цели. Ханс неосознанно искал повод наброситься на врага, полагая, что этим совершит

акт гнева и благородства, но он ошибался.

Спонтанный мятеж в этом ужасном месте был

бы актом отчаяния. И результатом будет лишь

один.

Я хотел не этого. Из людей, прилетевших со мной на Голгофу, в живых осталось лишь

немного. И наше задание не закончено. Трака

всё еще жив.

Беккет находился в нескольких метрах передо мной. Он из последних сил тащил свою

тележку, это было видно по его сильно

напря

женной спине. Он был на грани. Я
попробовал

поглядеть поближе. Это оказалось
трудно.

У меня была лишь одна рука, чтобы
тянуть

свою цепь. Моя боевая клешня давным
пропала, став трофеем Трака. И я уже не
мог. Тем не

менее, я сумел поглядеть на расстояние
двух метров к нему и рискнул заговорить.

-- Рядовой Беккет.

-- Комиссар?

Я привлек его внимание, но тут идущий
впереди человек споткнулся. Это был еще
один гвардеец, в одетых на нем тряпках
уга

дывалась мордуанская униформа. Не
думаю, что он был с нами на Голгофе. Судя
по его

виду, он здесь уже очень долго. Тем не
менее, он не упал и не выпустил из рук

цепь. Он

просто споткнулся. Но этого хватило
стояще

лугу рядом оркучохраннику. Зеленокожий
взрев

ввел и набросился на него с кнутом. Этот
кнутом

представлял собой глиняный гибкий
металли

ческий кабель, усеянный острыми
лезвиями.

Он захлестнулся вокруг шеи торгуанца.
Орк

с силой дернул. Кольца кабеля натянулись,
сжимаясь и разрывая плоть. Голова
человека

отлетела. Орк снова взревел, на этот раз
ра

достно.

В тележке Беккета лежал тяжелый
обрубок

трубы. Я видел, что Ханс смотрел на
него и

раньше. Теперь он схватил его, бросив
цепь
на землю.

— Беккет, нет!

Но тот уже набросился на орка, врезав
труп

бой по голове монстра. Тот в ответ
одним

ударом свалил Беккета. Шипы наручей
порва

ли ему щеку, и я услышал хруст
сломанного

носа. Орк наступил железным ботинком
на

грудь ошеломленному гвардейцу. Убрав
кнут, зеленокожий достал огромный
топор, висев

ший на поясе и занес его для удара. Глупые
глазки с негодованием смотрели из-под гу
стых бровей на Беккета.

Я шагнул вперед и пристально взглянул в
глаза орка.

— Нет, — сказал я, но на этот раз охранни

кү, легяным тоном и на орочьем. Я
чувство

вал отвращение, пользуясь этим грязным
языком, но это удивило охранника. Орк
засо

лневался.

Я выдерживал взгляд орочьих глазок
своим

единственным. Я смотрел на него снизу
вверх, немного опустив голову так, чтобы
в моей

пустой глазнице было больше теней,
больше

тайны. Я был немолодым, одноглазым,
одно

руким человеком, понавшился на глаза
оркү.

Я должен был быть уже мертв, вокруг
должны

быть раскиданы мои внутренности. Но я
был

Ярикком, и у меня был дурной глаз. Я
убивал

орков взглядом. Скотина передо мной знала
это. И сейчас именно это я и делал.
Поскольку
жизнь Беккета висела на волоске, я
направил
в свой глаз всю свою веру в Императора и
всё
свою ненависть к оркам кристальным,
несо
крушимым убеждением в гибели
зеленокоже
го. Я был тем, кем они меня считали.
Топор дрогнул. Орк отвел взгляд от моего
глаза и опасной пустоты глазницы,
неуверен
но огляделся. Что-то привлекло его
внимание
на высоких мостиках, скрытых во тьме
над
головой. Он, отпихнув ногой Беккета и
дав
ему пинка под зад, побежал вниз мимо
рабов, рыча себе под нос.

Пока я помогал Беккету подняться, основание шеи начало покалывать. Я взгляделся в окружающие нас тени. Я почувствовал при

существование чего-то огромного. Он затаился где-

то наверху. Орк. Трака.

Я не мог видеть его, но надеялся, что он видел взгляд моего глаза.

Надеюсь, в нем он увидел свою смерть.

Армия из одного

Роб Сангерс

Ересь Гора

Встречайте пятнадцатилетие Black Library

АРМИЯ ИЗ ОДНОГО

Роб Сандерс

Переводчик: AlexMustaeff

Сквозь переохлажденный металоновый туман проступает лицо.

Нейросоединение выжигает его очертания в моем мозгу. Это лицо. Я знаю это лицо...

Я пробираюсь сквозь свои кошмары. Царство полувоспоминаний, лабиринт сумрачно го абсурда.

Вот я один, уличный беспризорник, дрожащий в нищете и темноте главного улья.

Вонь

от куч хитических отходов жжет мои ноздри

так же, как когда-то.

Я фыркаю и оказываюсь уже тощим юнцом, вокруг толпа и гавка: идет вербовка в Импер

скую Гвардию, вокруг шепчутся о великой войне, надвигающейся на Проксима Апокрифис. В ней Апокрифской Горте уготована вы

дающаяся роль. Я три дня простаиваю в

бес

покойной очереди, только для того, чтобы

услышать издевательский стих младшего офицера и его прислужника-сержанта. Я раз

ворачиваюсь и ухожу.

Я несусь прямо в какофонию выстрелов.

Подулье, я бегу вместе с Кровавыми Молниями

ми. Ощущаю медный привкус возбуждения от перестрелки, мимо проносятся пули, в про

рехах ржавого ограждения мелькают блестя

щие клинки стилетов. Это Спуск Тритуса. Мы

на территории Охотничьих Собак -- и под «мы» я имею в виду меня и Счастливчика. Я

полню жар, с которым пуля предателя вошла

мне в спину, звук его убегающих шагов,

когда

он бросил меня умирать. Оставил меня

Охот

ничьим Собакам. Жестокому судьбе

Коркорану

и его силовикам из улья. В переполненной

инкарцетории, где я заключен в тесной

клетке

где, где можно только стоять. В тяжелом

труде, выполняемом командами по

строительству

шпиля.

После высоты и вызванной ей гипоксии --

снова плен. Я продан и брошен в клетку.

Клет

ку для рабов. Загон для одной из

множества

гладиаторских ям главного улья. Теперь я

од

но из животных, существующих лишь для

то

го, чтобы нести смерть другим.

Животное, которое попало на глаза

некоему барону

Кравиусу Блюмолотову --- обрюзгшему пле
мяннику такого же обрюзгшего старшего
пла

нетарного лорда-губернатора. Он
приходит к

моей клетке ночью --- когда заканчивается
моя кровавая работа --- и запускает свои
жир

ные пальцы в мои слипшиеся от крови воло
сы. Благодарность выродка. Милость
изверга.

--- Мой верный раб, --- шепчет он успокаи
вающе.

Но вот еще раз моя кровь и плоть в цене.

От предложения иномирца даже гнусный
ба

рон не может отказаться.

Далеко-далеко во тьме я вновь испытываю
такой страх в агонии и осквернении
плоти, о

причинении которого любой боец из
глади

торских ям или бангит подулья даже не
могли
мечтать. Я обрел... Клага и их
тучительный
дар нового бытия. Моё тело стало
произведе
нием их тёмного искусства
хирургический
шедевр генетической и кибернетической
ауг
ментики. Гипертрофированная
мускулатура, наложенная на сломанную,
переконструиро
ванную, а затем укрепленную рату экзоске
лета. Для них я --- воплощение
хитического
оружия. Во мне столько боевых
наркотиков и
препаратов, что сворачивается кровь и
горят
вены; эти сильнодействующие средства вы
зывают зависимость, и я уже не смогу без
них

жить. Психологическая обработка оконча-
тельно уничтожает то, что еще
оставалось от

моей личности в этом чудовищном
создании

Клады. Я -- катастрофа. Я -- холодная
ярость.

Я -- беспричинная жестокость, чистая и
на

правленная. Я -- живое оружие, всегда гото-
вое к бою.

Я -- эверсор.

Только после этого я встречаюсь с тем,
но

чьему замыслу рождаются подобные мне
чу

довища. Они зовут его Сигиллит. Он
привива

ет моим мультисердцам глубокую любовь
к

Императору и бездонную ненависть к его
вра

гам. Из его губ я слышу свое имя, кажется,

Впервые за целую вечность.

--- Ганимус...

Через нейроканал он показывает мне это лицо. Лицо, которое мне знакомо.

--- Ганимус... --- говорит Сигиллит. ---

Теперь

этот человек стал нашим врагом. Он ---
пешка

Воителя. Безбожный еретик. Ты должен с
ним

покончить, Ганимус, --- и со всеми, кто его
поддерживает.

Переохлажденный металоновый туман
рассеивается.

Небытие криосна само становится сном.
Я

слышу вой, с которым спусковая капсула па
дает сквозь атмосферу, я лечу словно
бомба, словно молния, словно месья

Императора

сквозь небеса цвета расплавленного
свинца.

Толчок отвлекает меня от моего полета---

кош

мара. Передача данных на кору мозга
завер

шена. Моё задание -- это подавляющий
разум

контроль, которому я не в силах
противиться.

Моя цель для меня всё -- она тянет меня с
непреодолимой силой притяжения звезды.

Неутолимый гнев -- это всё моё естество.

Я прорываюсь наружу сквозь листы капсу
лы, словно из металлического чрева.

Костюм-

перчатка цвета полуночи плотно
обтягивает

тело, наполненное ужасным потенциалом.

Накачанный до чудовищности -- гротеск,
вы

лепленный из плоти и ненависти, -- я
вновь

ступая на пепел Проксимы Апокрифис. В
теплый главный улья и холодный трак, что

ко

зга-то я называл гомом. Вытаскиваю из
пояс

ной кобурой своей «Палач» и вытягиваю паль-
цы, обтянутые начиненной токсинами
нейро
перчаткой.

Сквозь оптику черепа-шлема я вижу, что
на шпилях дворца развеваются знамена Хо-
руса. Глаз Воителя, наблюдающий за
прибли

жением убийцы. Шаг за шагом --- все
быстрее, скорость и ярость нарастают ---
вперед, через

наполненные отбросами трющобы. А
затем

убийство начнется. И его не остановить.

Я питаюсь смертью. Жители улья,
фабрич

ная чернь и враждующие группировки ---
все

утрут на моем кровавом пути. Я утоляю
свою

страсть к разрушению. Падают дымовые

тру
бы, рушатся фабричные здания, полыхают
пожары. Словно зверь, я прорываюсь сквозь
силовиков, посланных остановить меня,
прежде чем в сражение вступят
предатели из

Третьей Апокрифской Горты. В городских
кварталах я устраиваю для них ту самую
вой

ну, которую они ждут, вырезая простых
сол

дат как скот, прежде чем вырвать сердца
их

командиров-еретиков. Я не оставляю
Боите

лю ничего, кроме ошеломленных юнцов и
мертвых трусов. Я врываюсь на
территорию

дворцового шпиля словно монстр, поднима
ющийся из глубин. Я проливаю
благородную

кровь, расчленяю сильных мира сего одного
за другим и, в конце концов, добиваюсь

ауди

енции у верховного лорда-губернатора.

То самое лицо. Это лицо я знаю.

— Я верный подданный Императора, —

блеет Кравиус Блюмолотов, бывший барон.

— Нет, — шепчу я. — А вот я — да.

Мой голос дрожит. Мне теперь не до слов.

Я больше не могу сдерживать кровавую ярость

и даю ей выход. Я эверсор. И я стал тенью.

...